

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-5-89-100
УДК 339.742.2(045)
JEL F14.F17

Перспективы реализации китайской модели двуединого потока продукта и дохода

М.В. Жариков

Финансовый университет, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-2162-5056>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – базовые направления экономической политики КНР в переходный период от модели построения общества малого благоденствия к новой модели развития на основе синтеза внутреннего и внешнего кругооборотов продукта и дохода. *Цель работы* – сформулировать принципы и компонентный состав внешнеэкономической стратегии Китая в долгосрочном периоде. Установлен компонентный состав перспективной модели двух циклов и предложена ее трактовка как модель двуединого движения продукта и дохода, при котором устанавливается равновесие воспроизводственного цикла внутри страны и воспроизводства продукта и дохода китайских компаний за рубежом. Посредством применения методов экономико-математического анализа и пакета графических приложений выявлено, что компонентный состав современной модели экономического развития Китая находится в жесткой зависимости от сложившихся параметров экономики страны по базовым макроагрегатам. На основе эмпирических данных доказано, что в течение следующего десятилетия основные макроэкономические агрегаты китайской модели могут подчиняться действующей динамике мирового развития, которая плохо поддается трансформации. В результате исследования *сделан вывод* о том, что переход на новую модель развития экономики двуединого кругооборота зависит от национальной экономической политики, направленной на изменение структуры формирования валового продукта за счет значительного сокращения доли сбережений и наращивания инвестиций, частного капитала, а также благодаря преодолению зависимости динамики обменного курса юаня от внешней конъюнктуры. **Ключевые слова:** Китай; импортозамещение; открытая экономика; экспортоориентированная стратегия; глобальные цепочки производства; модернизация экономики

Для цитирования: Жариков М.В. Перспективы реализации китайской модели двуединого потока продукта и дохода. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(5):89-100. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-5-89-100

ORIGINAL PAPER

Prospects for Implementation of Chinese Model of a Dual Flow of Product and Income

M.V. Zharikov

Financial University, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-2162-5056>

ABSTRACT

The subject of the study is the basic directions of the economic policy of the People's Republic of China in the transition period from the model of building a small welfare society to a new development model based on the synthesis of internal and external product and income circulation. The principles and component composition of China's foreign economic strategy in the long term perspective are formulated. The component composition of the perspective model of two cycles is established and its interpretation is proposed as a model of a two-unit movement of product and income, in which the balance of the reproduction cycle within the country and the reproduction of the product and income of Chinese companies abroad is established.

Through the use of methods of economic and mathematical analysis and a package of graphical applications, it is revealed that the component composition of the modern model of China's economic development is strictly dependent on the existing parameters of the country's economy according to basic macro aggregates. Based on empirical data, it

© Жариков М.В., 2021

is proved that over the next decade, the main macroeconomic aggregates of the Chinese model can obey the current dynamics of world development, which is difficult to transform. As a result of the study, it is concluded that the transition to a new model of the development of the economy of a two-unit cycle depends on the national economic policy aimed at changing the structure of the formation of the gross product by significantly reducing the share of savings and increasing investment, private capital, as well as by overcoming the dependence of the dynamics of the exchange rate of the yuan on the external environment.

Keywords: China; import substitution; open economy; export-oriented strategy; global production chains; modernization of the economy

For citation: Zharikov M.V. Prospects for implementation of Chinese model of a dual flow of product and income. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021;14(5):89-100. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-5-89-100

ВВЕДЕНИЕ

Модели модернизации экономики в XX в. изначально предполагали реализацию экспортоориентированной и импортозамещающей стратегии. В XX в. было доказано, что экономика развивается быстрее в открытом состоянии на основе зарубежного опыта, технологий и капитала [1]. Экспортоориентированная экономка представляет собой высокую форму открытости системы, одной из которой является импортозамещение. Причем импортозамещающаяся экономика находится на более низкой ступени интеграции в мировое пространство по сравнению с экспортоориентированной экономикой, поскольку для замещения импорта необходимо проникновение в структуру иностранного продукта, технологию его производства, что предполагает наличие связи с внешним миром [2].

Последняя четверть XX в. характеризовалась самыми высокими темпами модернизации экономики развивающихся стран [3]. В результате глобализации реальный ВВП на душу населения в развивающихся странах вырос более чем в два раза в период 1995–2019 гг. по паритету покупательной способности. В развитых странах этот показатель увеличился на 44%. Во многом высокие темпы роста экономики были вызваны участием в мировой торговле. В период 1990–2008 гг. мировая торговля как доля ВВП выросла с 39 до 61%. Этот период получил название гиперглобализации и обеспечил условия для быстрой и широкомасштабной экономической экспансии таких стран, как Китай, Индия, Южная Корея [4]. Однако к 2019 г. наступило окончание периода опережающего роста внешней торговли. Доля мировой торговли в ВВП начала падать в результате глобального финансового кризиса 2008 г. В 2019 г. ее уровень продолжал оставаться ниже пиковых значений, достигнутых в 2008 г.

В настоящее время экономисты многих стран обратились по разным причинам к идеям необходимости осуществления государствами политики протекционизма, среди которых особое место занимает стратегия импортозамещения. Так, актуальная цель политики КНР — сделать экономику самодостаточной в производстве ключевых товаров и услуг [5].

Концептуальная основа стратегии импортозамещения заложена в 1950-е гг., когда Рауль Пребиш и Гуннар Мирдаль доказывали ущербность либерального подхода к торговле в развивающихся странах, испытывавших дефицит твердой валюты, на которую можно было покупать импортную продукцию после Второй мировой войны. Замещение импорта национальным продуктом рассматривалось ими в то время как способ привлечения и резервирования иностранной валюты. Однако вскоре проявились очевидные недостатки стратегии импортозамещения. Так, многие государства реализовывали эту стратегию путем субсидий национальным производителям и отраслям, ориентируясь больше на удовлетворение собственных политических интересов, нежели на получение рациональных экономических выгод [6].

В 1970-е гг. экономисты потеряли интерес к этой стратегии. Тарифные барьеры привели к тому, что некоторые государства оказались почти отрезанными от международной торговли. Особенно это касалось стран Латинской Америки и Южной Азии, которые начали отставать в развитии от государств Юго-Восточной Азии, делавших упор на стратегию развития экспорта, используя возможности дешевой рабочей силы.

Экспортоориентированная стратегия экономики не стала идеальным путем к модернизации несмотря на успехи экономик Южной Кореи и Тайваня. Причем нельзя было назвать прове-

дение экспортоориентированной экономики тенденцией к ее либерализации. Правительства стран, которые получили тогда название азиатских тигров, активно вмешивались в экономику. Они субсидировали отдельные отрасли экономики и компании. Однако глобальная конкуренция оказывала сильное давление на экспортеров товаров, заставляя их повышать эффективность производства, способствовать приобретению технических и технологических ноу-хау [7].

На основе анализа опыта применения стратегии импортозамещения можно сделать выводы, которые необходимо учитывать в период оживления мировой экономики после пандемии коронавируса. Так, в странах, обладающих емкими национальными рынками, проведение политики импортозамещения может позволять решать стратегические задачи экономики, не заставляя компании подчиняться стратегии замещения роста. К таким странам можно отнести прежде всего Китай [8]. Для Индии, которая имеет более узкий рынок, менее интегрированный в мировую экономику, эта стратегия может нести значительные риски. Россия, которая тоже придерживается политики проведения стратегии импортозамещения, может в ближайшее время столкнуться с проблемами, характерными для затухающего экономического роста, что в целом приведет ее экономику к стагнации и застою. В более мелких странах политика импортозамещения обречена на провал. Конкуренция и технологии, получаемые развивающимися странами только на глобальных рынках, являются важными элементами и предпосылками модернизации экономики, и если крупнейшие страны мира будут заботиться только об удовлетворении собственных стратегических интересов, они лишат развивающиеся страны возможностей доступа к современным технологиям — источникам экономического роста. Страны, проводящие политику импортозамещения, вынуждены защищать внутренний рынок высокими тарифами, постепенно становясь на глобальном рынке малоэффективными и убыточными и неконкурентоспособными, отодвигаясь на периферию мирового развития.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИ ДВУЕДИНОГО ПОТОКА ПРОДУКТА И ДОХОДА

Под влиянием накопления негативных факторов (экстерналий) к концу второго десятилетия

XXI в. Китай встал перед проблемой разработки макроэкономической модели, которая позволит реализовывать стратегическую цель развития страны и общества во второй половине XXI в. Наряду с негативными экстерналиями, в 2020 г. завершается период 12-й и 13-й пятилеток, который в научной литературе определяется как время построения общества малого благоденствия [9]. В 2021 г. с принятием нового пятилетнего плана китайское общество малого благоденствия под названием «Сяокан» 小康 (xiǎokāng), которое можно интерпретировать как социализм с китайским лицом, может выйти на путь становления нового общества.

Макроэкономическая модель, которую Китай до настоящего момента использовал для достижения общества малого благоденствия, постепенно будет терять свою актуальность вследствие действия следующих негативных экстерналий: торговых конфликтов с США и другими развитыми странами, инвестиционного и торгового протекционизма, глобального изменения климата, эпидемии коронавируса. Продолжение функционирования экономики по этой модели приведет к затуханию деловой активности внутри страны и дефициту возможностей при выходе на новые, более высокие рубежи развития [10], хотя на основе этой модели Китай еще может какое-то время продолжать развиваться. Но это развитие будет инертным, т.е. использующим запас энергии, которая была заложена в этой модели благодаря накопленному экономическому потенциалу в стране за последние 40 лет [11]. Такое развитие будет достаточным, чтобы обеспечить удвоение ВВП до 2035 г. Но это произойдет и при затухающих темпах прироста ВВП, как показывает прогноз (рис. 1).

Новая китайская экономическая модель, о которой здесь идет речь, в англоязычных источниках называется дуалистической, двойственной экономикой (*dual circular economy*) в зависимости от перевода и взглядов переводчика. На китайском языке эта модель именуется несколькими иероглифами, а именно: 经济双循环战略, где 经济 — экономика, хозяйство; 双 — пара, два, оба; 循环 — циркуляция, круговорот, рекурсия; 战略 — стратегия, стратегический. В китайских СМИ все-таки больше встречается просто 经济双循环 как экономика двойной циркуляции. Однако анализ как китайских, англоязычных, так и отечественных источников, не позволяет дать определение этой двойственной или

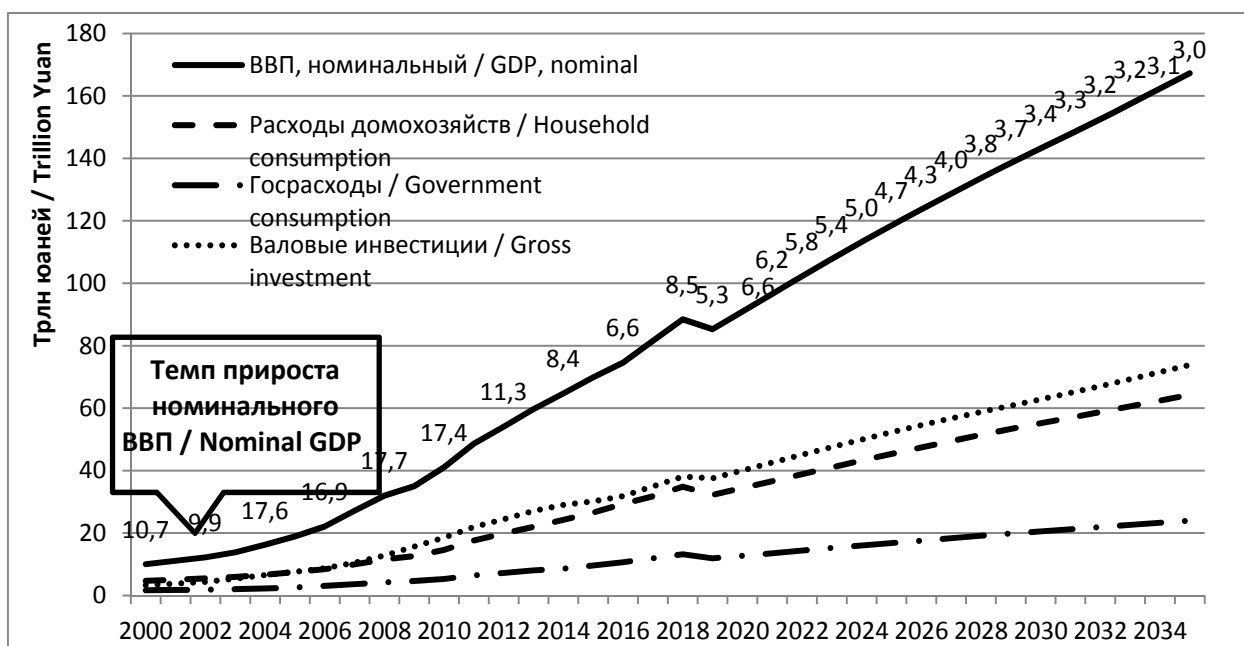

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика основных компонентов воспроизводства продукта в Китае в 2000–2035 гг. / The dynamics of the major components of reproduction process on China, 2000–2035

Источник / Source: разработано автором на основе данных МВФ / compiled by the author based on the IMF's data.

дуалистической циркуляции. Заявления китайского руководства, опубликованные в СМИ, также не проясняют, какой именно смысл вкладывается в это понятие. Тем не менее на основе построения динамики основных макропоказателей Китая и их прогнозирования можно сделать вывод о том, что правительство КНР в ожидании неминуемого замедления темпов роста и возникновения необходимости выполнения задач построения более зажиточного общества стремится к достижению такого равновесия, при котором внешняя и внутренняя экономики обеспечивают баланс производства, потребления, инвестиций и сбережений, чтобы одна экономика подпитывала другую экономику, если та или другая экономика испытывает дефицит ресурсов, поставок компонентов или полуфабрикатов или просто стагнирует или затухает. В связи с этим такую экономику может характеризовать как некое единство двух диалектических противоположностей — внутренней и внешней экономик, которые не могут существовать друг без друга, если одну из них отделить от другой, например в результате санкций. Поэтому, по сути, под такой экономикой должно пониматься единство двух ее видов в рамках одной экономической материи. Отсюда и возникла идея назвать эту систему моделью двуединого кругооборота продукта и дохода как мо-

дификацию классической макроэкономической модели кругооборота продукта и дохода. Переход Китая на новую модель двуединого кругооборота продукта и капитала планируется к 2035 г. Для этого КНР понадобится преодолеть неуклонную динамику основных макроэкономических агрегатов, имея в виду такие основные макроэкономические показатели СНС, как ВВП, валовые инвестиции, валовое потребление, валовые сбережения и т.д., посредством принятия принципиально новой стратегии внутренней и внешней экономической политики, а также проведения комплексной программы реформ.

В западной и китайской печати модель двуединого потока продукта и дохода трактуется по-разному и нередко противоречиво. В одних источниках эта модель означает меньшую опору на внешний рынок, в результате чего страна должна стать более инновационной и более устойчивой к внешним вызовам. До определенной степени Китай добился этого результата естественным путем посредством ускоренных темпов экономического роста. Причем эта цель стала более значимой вследствие ухудшения отношений с США. Американские ограничения, наложенные на экспорт критически важных компонентов промышленности, главным образом полупроводников,

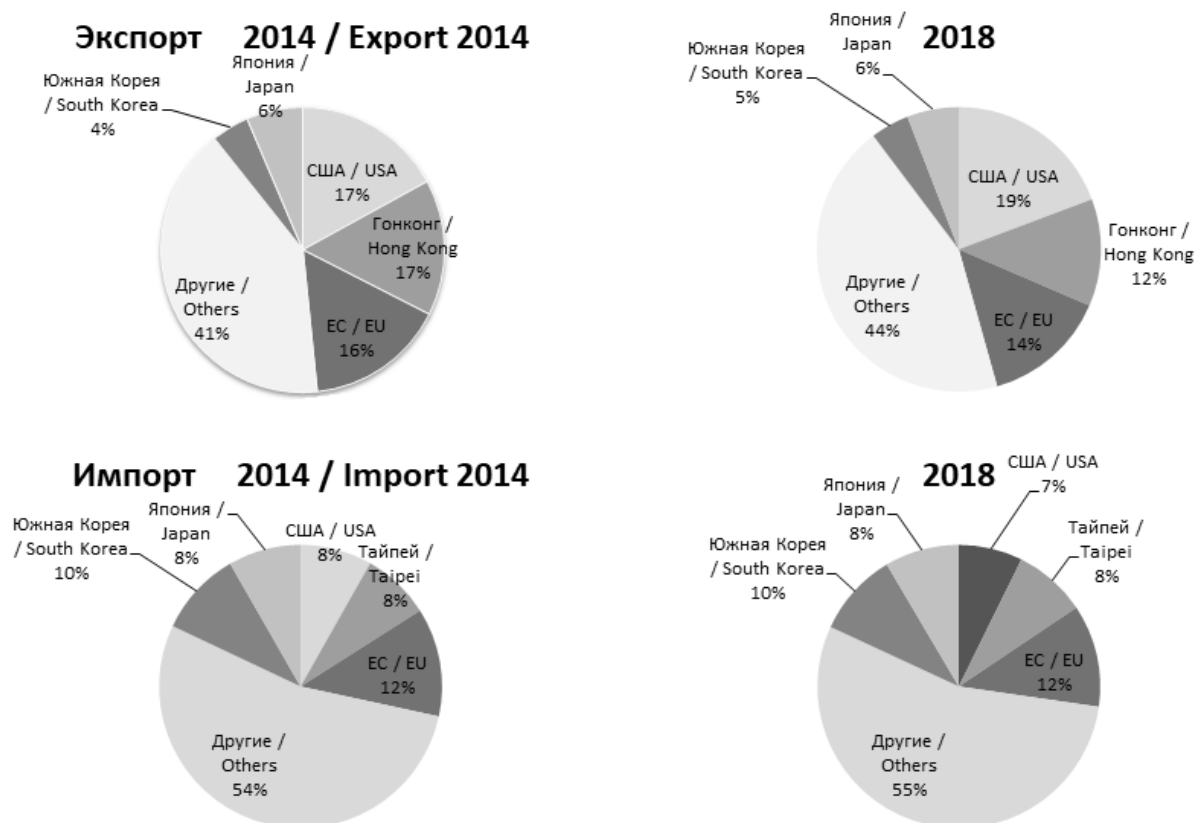

Рис. 2 / Fig. 2. Основные торговые партнеры Китая в 2014 и 2018 гг. /
The biggest trade partners of China in 2014 and 2018

Источник / Source: разработано автором на основе данных МВФ / compiled by the author based on the IMF's data.

обусловили обострение уже существовавших проблем в функционировании цепочек производства добавленной стоимости в Китае. Создание полностью самостоятельных цепочек производства добавленной стоимости и обеспечение поставок продукции и полуфабрикатов называются в китайских официальных документах задачами обеспечения национальной безопасности.

Согласно еще одной трактовке новой стратегии Китай должен оставаться открытым к внешним рынкам в рамках политики большого международного кругооборота. Термин «международный кругооборот» был введен в обиход в 1988 г. главой планового отдела правительства КНР Венем Цзянем, который утверждал, что Китай должен следовать экспортоориентированной стратегии и встраиваться в глобальные сети производства на основе дешевой рабочей силы. Но в настоящее время произошли фундаментальные изменения во внешнеэкономической стратегии Китая. Доля экспорта в ВВП страны упала с 36% в 2006 г. до 18% в 2019 г. Правительство КНР поставило задачу

стимулирования потребления внутри страны как движущей силы экономического роста. Китайские ученые стали больше внимания обращать в своих исследованиях решению проблемы национального кругооборота продукта и дохода [12].

На заседании Политбюро, состоявшемся 31 октября 2020 г., генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин назвал стратегию двойного кругооборота инструментом и фундаментом новой экономической политики. Он также заявил, что Китаю нужны самостоятельные, разработанные собственными силами контролируемые цепочки поставок продукции и добавленной стоимости, по крайней мере такие, которые имеют хотя бы один альтернативный источник жизненно важных продуктов, компонентов, полуфабрикатов [13].

В видеообращении от 4 ноября 2020 г. на открытии ежегодной Шанхайской международной выставки импортной продукции Си Цзиньпин заявил о том, что новая стратегия предполагает более широкое открытие Китая к остальному миру, имея в виду не только то, что именно необходимо

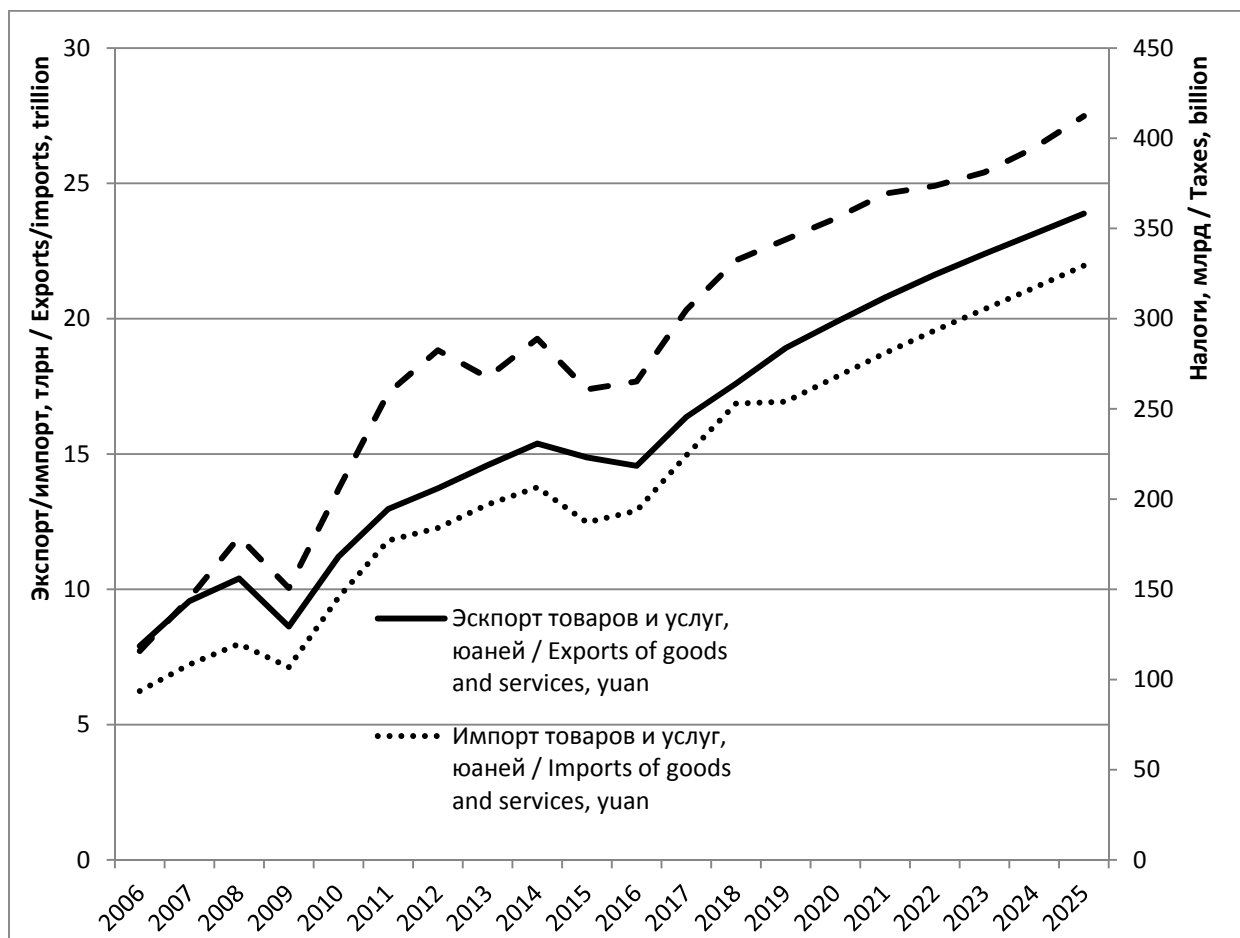

Рис. 3 / Fig. 3. Корреляция динамики экспорта и импорта Китая и среднего уровня налогообложения китайской продукции за рубежом в 2006–2025 гг. / The correlation of the Chinese exports and imports dynamics and average taxation on Chinese products abroad, 2006–2025

Источник / Source: разработано автором на основе данных МВФ / compiled by the author based on the IMF's data.

Китаю для собственного развития, но и то, что будет полезным для людей всех стран. В настоящее время Китай производит около 30% чипов, в которых он испытывает нужду. По производству этой продукции поставлена цель — достичь 70%-ной обеспеченности к 2025 г.

Текущий анализ внешнеэкономической конъюнктуры для китайской экономики также показывает, что, возможно, многие опасения китайского руководства преувеличены, поскольку ожидается оживление мировой экономики после пандемии коронавируса. Как показывает рис. 2, основные торговые партнеры Китая практически не изменились за последние годы. Несмотря на торговые конфликты и усиление санкций, поставки Китая экспортной продукции на рынок США выросли на 2% в 2014–2018 гг., а в ЕС, наоборот, упали на ту же величину. При этом на 3% увеличилась доля

других стран, что может означать стремление Китая диверсифицировать структуру внешнеэкономических партнеров на случай усиления противодействия Запада.

По импорту состав партнеров Китая изменился еще меньше в 2014–2018 гг. Так, доля продукции из ЕС осталась на уровне 12% всего китайского импорта. Доля продукции США, правда, уменьшилась на 1%. Структура экспорта и импорта Китая при доле других стран в 44 и 55% соответственно вовсе не свидетельствует о безусловной зависимости Китая от стран, которые ввели против него санкции и он может в случае проведения грамотной внешне-торговой политики легко адаптироваться к новым экономическим условиям при условии дальнейшей трансформации цепочек поставок и диверсификации внешних рынков. Согласно рис. 3 поскольку налоги на внешнюю торговлю Китая росли в период

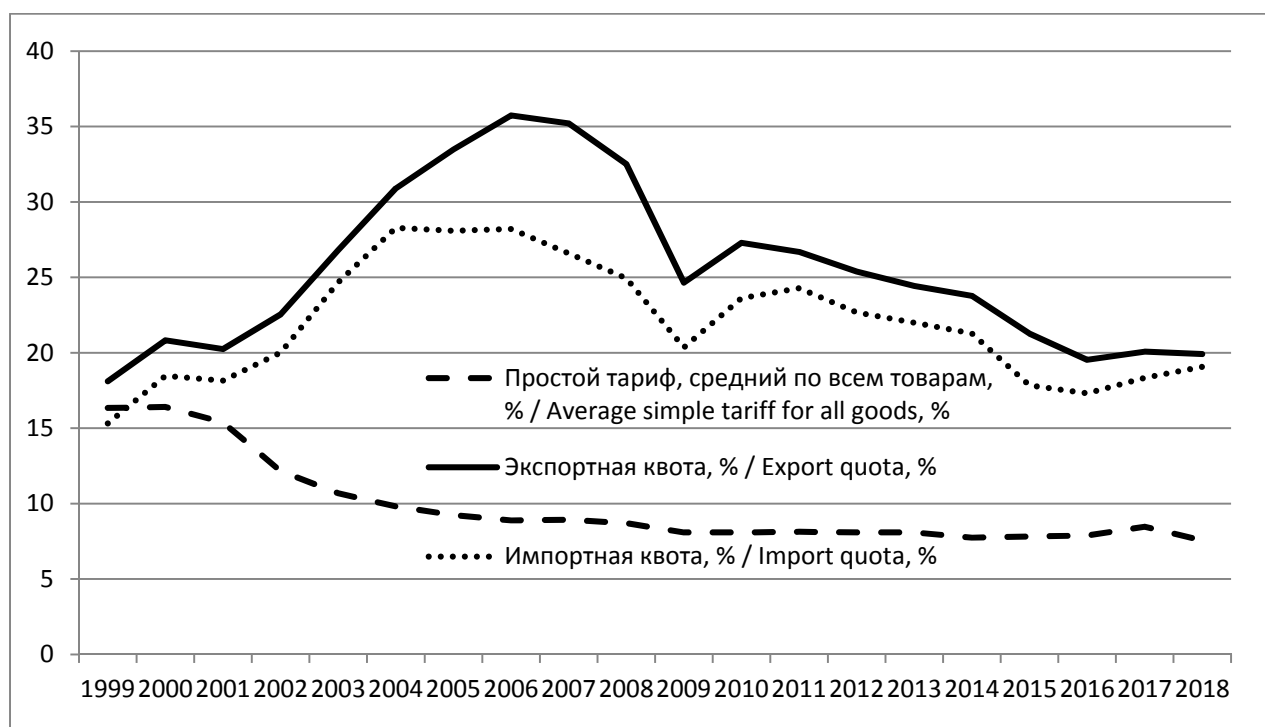

Рис. 4 / Fig. 4. Динамика внешнеторговых квот Китая в 1999–2018 гг. /
The dynamics of China's foreign trade quota, 1999–2018

Источник / Source: разработано автором на основе данных МВФ / compiled by the author based on the IMF's data.

2006–2020 гг. пропорционально увеличению экспорта, динамика экспорта и импорта сохранится до 2025 г. и, возможно, будет продолжена.

В целом, сложно представить, что на данном этапе развития экономики Китая неблагоприятная конъюнктура внешнего сектора может составлять угрозу высокого порядка, поскольку зависимость Китая от экспорта стабильно снижается на протяжении 2006–2020 гг., и к настоящему времени внешнеторговая квота страны приблизилась к показателю 1999 г. [14], т.е. ко времени вступления КНР в ВТО и объявления политики широкого выхода на мировые рынки и интеграции в мировую экономику (рис. 4).

ПОСТРОЕНИЕ В КИТАЕ МОДЕЛИ ДВУЕДИНОГО КРУГООБОРОТА ДО 2035 Г.

Разработка макроэкономической модели двуединого кругооборота (далее — МЭМДК) предполагает введение двух групп переменных, отражающих протекающие процессы в пространстве и во времени:

1) известные (экзогенные) к моменту построения МЭМДК параметры заданы вне модели

и включают объем номинального ВВП, совокупный национальный спрос, валовые национальные инвестиции и сбережения, госрасходы и налоговые доходы в бюджет, совокупное национальное предложение денег и внешний долг;

2) неизвестные (эндогенные) к моменту построения МЭМДК параметры определяются исходя из решения и анализа функционирования данной модели и включают темпы прироста ВВП, увеличения привлеченного внешнего и внутреннего капитала, национальных инвестиций, расходов фирм, домохозяйств и государства, доходов от внешнего сектора для достижения цели удвоения ВВП к 2035 г.

Построение МЭМДК означает поиск функций, связывающих известные и неизвестные параметры модели и отражающих влияние экзогенных переменных на эндогенные переменные. МЭМДК играет большую роль в выработке вариантов экономической политики Китая ввиду наличия значительного количества экзогенных переменных и их комбинаций. Основное допущение МЭМДК сводится к универсализации параметров и тенденций развития, которые отражают альтернативные возможности протекания экономических про-

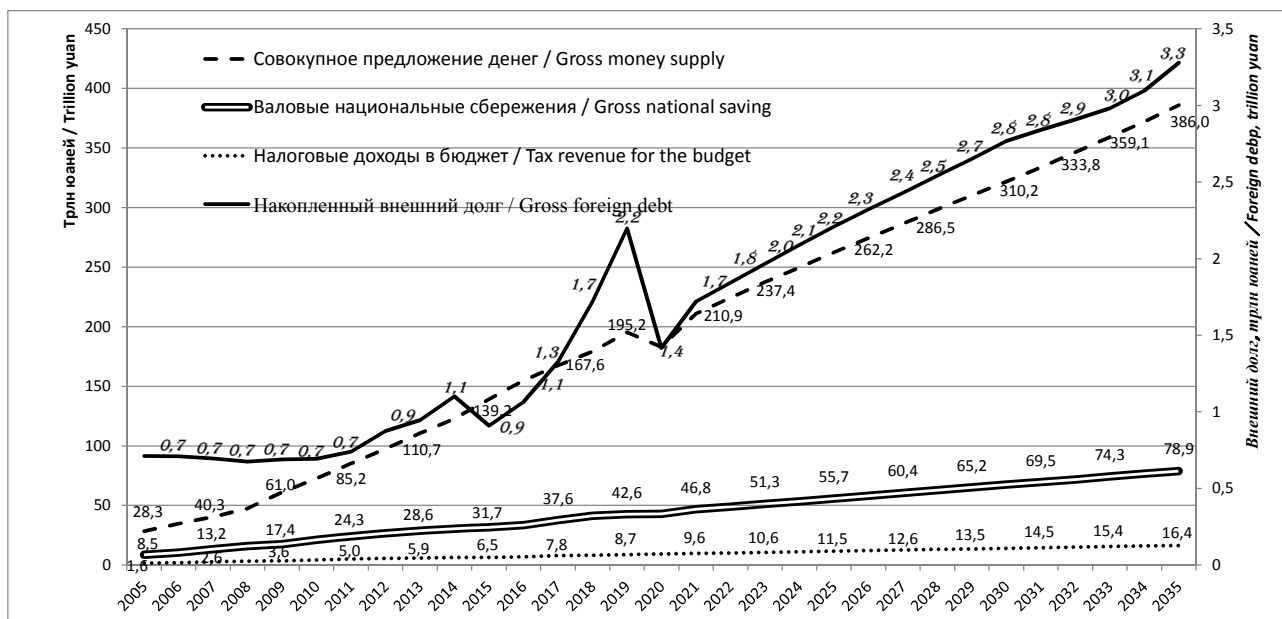

Рис. 5 / Fig. 5. Финансовая составляющая кругооборота продукта и дохода Китая в динамике на 2005–2035 гг. / The financial component of the product–yield circulation in China, 2005–2035

Источник / Source: разработано автором на основе данных МВФ / compiled by the author based on the IMF's data.

цессов и их влияния на развитие национальной экономики Китая до 2035 г.

За годы экономических реформ в Китае потребности экономических субъектов выросли количественно, изменились качественно и структурно-эволюционно и могут удовлетворяться только в условиях открытой экономики, когда часть прибавочной стоимости используется на дополнительное приобретение факторов производства не только в возрастающем количестве, но и более разнообразного качества и ассортимента, в т. ч. из-за рубежа в виде редких технологий, компонентов.

В связи с этим неотъемлемой частью МЭМДК являются инвестиции в НИОКР и различные формы капитала финансовых рынков. Длительное время основой инвестиций в китайской экономике были сбережения, которые как часть доходов экономических субъектов не используются на уплату налогов, покупку товаров и услуг, а направляются на покупку ценных бумаг растущего рынка акций Китая, а также на формирование сбережений в форме депозитов [15]. В 2000 г. валовые национальные инвестиции в Китае составляли около 3,6 трлн юаней и при ВВП в 10 трлн юаней равнялись более одной трети инвестиционных средств, которые могли потенциально использоваться для инвестиций в НИОКР и основной капитал. В 2020 г.

данная ситуация существенно поменялась количественно и качественно: валовые национальные сбережения увеличились более чем в десять раз и достигли рекордно высокого объема для любой страны в мире в 43 трлн юаней или почти половину ВВП Китая. Согласно построенной модели к 2035 г. с учетом удвоения ВВП Китая до 167 трлн юаней объем валовых национальных сбережений может составить около 80 трлн юаней и, таким образом, сбережения будут продолжать равняться приблизительно половине ВВП страны и служить важнейшей опорой формирования национального производительного капитала (рис. 5).

Валовые инвестиции в китайскую экономику национальных компаний в течение нескольких десятков лет составляли подавляющую массу расходов предприятий всех форм собственности и позволили наращивать совокупную величину функционирующего национального капитала в экономической системе в сумме 40 трлн юаней к 2020 г. Основная проблема китайских инвестиций состоит в том, что с учетом выхода экономики на кривую трансформации и достижением полной занятости населения они создают мощности, которые не находят спроса в промышленности и на рынке. Согласно построенной модели объем валовых инвестиций может составить около 74 трлн юаней, т. е. по-прежнему китайская эко-

номика будет требовать до 50% ВВП каждый год для поддержания затухающего темпа прироста национального продукта.

Проблема китайской экономики при формировании МЭМДК заключается в недостаточно четком понимании того, какой она должна стать через 10–15 лет. Вкратце это понимается как увеличение (удвоение) ВВП. Для достижения принципиально качественных изменений в китайской экономике необходимы инвестиции для разработки собственных технологий и продуктов и повышения производительности труда на основе собственного оборудования. Такие задачи ставятся руководством КНР, однако при условии концентрации на экспансионистской стратегии удвоения ВВП к 2035 г. будет создаваться дефицит производственных мощностей и интеллектуального капитала.

Превалирование прямых инвестиций в производстве в долгосрочной перспективе будет тормозить развитие акционерного частного капитала, участие в отношениях собственности и затруднять принятие креативных стратегических управленческих решений. Для развития отношений собственности формируемая МЭМДК должна в большей мере опираться на портфельные инвестиции, опосредованные при участии финансовых рынков и через торговлю ценными бумагами, что будет позволять получать стабильный доход, дивиденды на акции, проценты по облигациям. Эти инвестиции позволят преодолеть зависимость экономики Китая от сбережений, которые приносят малый доход, что с течением времени будет тормозить становление в Китае более зажиточного общества.

Для достижения целей МЭМДК в Китае необходимы реформа финансовых рынков, трансформация системы институтов для повышения эффективности распределения потоков свободных денежных средств от экономических субъектов, являющихся кредиторами, к фирмам-производителям, являющимся заемщиками. Финансовые рынки в Китае должны стать новой совокупностью институтов, аккумулирующих и продающих свободные денежные средства, в которую будет входить больше коммерческих банков, страховых компаний, пенсионных фондов, взаимных фондов, фондовых бирж.

Согласно построенной МЭМДК в Китае будет происходить неуклонный рост денежной массы, а следовательно, будет расти внутренний долг. К 2035 г. совокупное предложение денег

в Китае достигнет почти 400 трлн юаней, что по текущему курсу доллара к юаню составит примерно 42 трлн долл. (рис. 5). Достижение этого показателя приблизит Китай к соответствующим значениям Федеральной резервной системы США. Это означает, что без более широкого участия юаня в международной валютной системе при текущих условиях экономической модели Китая достижение многих правительственных целей не представляется возможным. Такая крупная экономика не сможет развиваться только с опорой на внутренний долг, т.е. новая МЭМДК должна будет предполагать существенное увеличение внешнего долга на основе широкой интернационализации юаня. Экономика с таким объемом денежной массы не сможет динамично развиваться в условиях ограничений вплоть до того, как страна станет закрытой системой. Экономика, которая вырастет до 24,2 трлн долл. США к 2035 г., будет все больше приобретать вселенский характер, и внутренний рынок для нее будет слишком мал. Ориентация на национальные потребности вызовет острый дефицит возможностей и стимулов к развитию.

Для удовлетворения этих потребностей и возможностей рынком для такой страны с таким большим количеством населения должен стать весь мир по аналогии с транснациональной корпорацией, которая по мере захвата все большего числа внешних рынков приобретает черты глобальной, когда теряется разница между внутренним и национальным рынками. Рынком такой корпорации является весь мир. Поэтому модель МЭМДК в соответствии с этой трактовкой представляет собой организацию экономики таким образом, чтобы национальный кругооборот уравновесился глобальным кругооборотом и приобрел черты двуединого, неразличимого потока товаров и факторов производства.

В конечном счете МЭМДК может оказаться моделью нового типа всеобщей глобализации, центром которой станет китайская экономика. Эффект от этой модели с учетом того, что экономика Китая еще только начнет по ней работать к 2035 г., мир почувствует к середине XXI в. И это будет совсем другая экономика — экономика умеренных темпов экономического роста, низкой инфляции, малой безработицы, с ВВП на душу населения среднезажиточного общества, высокого внешнего и внутреннего долга, малых

сбережений, экономикой — эмитентом интернациональной валюты, экономикой низких процентных ставок и развитых рынков капитала. Проводником, движущей силой и инфраструктурой новой китайской экономики станет Новый шелковый путь, который приведет к созданию экономики, сопоставимой с экономикой США, с собственной базой промышленности, ресурсов, капитала, кредита и НИОКР.

МЭМДК предполагает усложнение структуры и направлений участия государства в экономике. Экономика Китая должна приобрести более социальный характер. Для этого необходима прежде всего реформа налогообложения. В Китае с начала XXI в. четко прослеживается тенденция к дивергенции динамики ВВП, сбережений, денежного предложения и динамики налоговых доходов в бюджет. В соответствии с прогнозом, представленным на рис. 5, эта дивергенция усилится к 2035 г. Падение налоговых сборов в бюджет может стать признаком усиления транснационализации китайского бизнеса, когда все больше экономической активности начинает проявляться в зарубежных странах. Сокращение поступления налогов станет закономерным результатом ориентации на внешние рынки. Китайское правительство будет предположительно постепенно создавать компенсационные механизмы перераспределения налогов по каналам налогов на имущество, потребление, доходы физических лиц, добычу полезных ископаемых, выбросы углекислого газа в атмосферу.

Корректирующим эффектом в экономике Китая будут обладать трансфертные платежи, социальные выплаты лицам с низкими доходами и пособия по безработице. Поэтому чистые налоги будут равняться разнице между валовыми налоговыми поступлениями и трансфертами плюс субсидии. В результате бюджет Китая, вероятнее всего, будет балансироваться с увеличивающимся дефицитом. Особенно центр будет функционировать с дефицитным бюджетом. Консолидированный баланс в итоге будет сводиться с дефицитом, который будет все больше финансироваться за счет займов на финансовых рынках через размещение облигаций среди частных лиц и финансовых институтов. Ежегодные госзаймы Китая будут формировать и наращивать внутренний и государственный долг.

ВЫВОДЫ

Китай находится в поиске новой идеи и модели экономического развития. Период 2021–2035 гг. будет характеризоваться синтезом разных направлений экономической политики, который предполагает опору на собственные силы в плане создания собственных технологий, своего оборудования, своих полуфабрикатов, защиту национального производителя с учетом конкуренции с иностранными компаниями в заданных рамках и в интересах страны, создания дополнительных, страховочных звеньев в глобальной цепочке производства и поставки продуктов.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENT

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds according to the state task of the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иродова Е. Е. Специфика социально-экономической модели Китая: ключевые характеристики и конкурентные преимущества. *Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики*. 2020;18(34):7–11.
2. Миленький А. В., Ли Ч. «Новая нормальность» как ступень эволюции экономической модели Китая. *Интерактивная наука*. 2019;10(44):45–48.
3. Борис О. А., Панкова Е. А., Ибрагим М. Н. Модели экономического развития Индии и Китая. *Вектор экономики*. 2017;2(8):6–11.
4. Мельянцев В. А. Сравнительный анализ моделей экономического развития Китая, России и Запада. *Мир перемен*. 2015;3:177–180.

5. Цедилин Л.И. Современная модель социально-экономического развития Китая: идентификация и анализ. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2019;3:126–136.
6. Михеев В.В. Китай — Россия: когда эмоции уместны? *Мировая экономика и международные отношения*. 2015;2:5–13.
7. Сергеев В.М., Алексеенкова Е.С. Роль Китая в вопросах трансформации глобальной политической и финансово-экономической архитектуры (реформа ООН и международных финансовых институтов, взгляд США). *Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации*. 2012;1:68–78.
8. Графов Д.Б. Экономическая модель гуанси в Китае: сравнительный анализ. *Проблемы Дальнего Востока*. 2018;5:104–117.
9. Портяков В.Я. Современная корректировка модели экономического роста в Китае: теория и практика. *Общество и государство в Китае*. 2015;45(2):596–608.
10. Гончарук И.В., Губарев Н.О. Роль внешней торговли в генезисе экономической модели КНР. *Трансграничная экономика*. 2019;3(3):6.
11. Авдокушин Е.Ф. О сути и особенностях китайской экономической модели. *Вопросы новой экономики*. 2013;1(25):23–28.
12. Портяков В.Я. Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике: современные тенденции и перспективы. *Проблемы Дальнего Востока*. 2014;4:55–68.
13. Ночвина Б.А., Лисина Т.Р. Особенности развития китайской экономической модели на современном этапе: перспективы лидерства КНР в эпоху глобализации. *Экономические исследования и разработки*. 2020;9:26–34.
14. Томберг И.Р. Китай как структурообразующий элемент глобальной экономики. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2011;11:52–61.
15. Лещенко Ю.Г., Ермоловская О.Ю., Никулин С.В. Институциональная модель регулирования финансового рынка Китая. *Экономика, предпринимательство и право*. 2020;10(1):139–154.

REFERENCES

1. Irodova Ye. Ye. The Specifics of china's socio-economic model: Key characteristics and competitive advantages. *Mnogourovnevoye obschestvennoye vosпроизводство: voprosy teorii i praktiki = Multidimensional social reproduction: the issues of theory and practice*. 2020;18(34):7–11. (In Russ.).
2. Milen'ky A. V., Li Ch. "New normality" as a step in the evolution of china's economic model. *Interaktivnaya nauka = Interactive science*. 2019;10(44):45–48. (In Russ.).
3. Boris O.A., Pankova Ye. A., Ibrahim M.N. Models of economic development of India and China. *Vektor ekonomiki = The vector of economy*. 2017;2(8):6–11. (In Russ.).
4. Mel'yantsev V.A. Comparative analysis of economic development models of China, Russia and the West. *Mir peremen = The World of Changes*. 2015;3:177–180. (In Russ.).
5. Tsedilin L. I. Modern model of socio-economic development of China: identification and analysis. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoi Akademii Nauk = The Chronicle of the Russian Academy of Sciences*. 2019;3:126–136. (In Russ.).
6. Mikheyev V.V. China — Russia: When are emotions appropriate? *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodniye Otnosheniya = World Economy and International Economic Relations*. 2015; 2:5–13. (In Russ.).
7. Sergeyev V.M., Alekseyenkova Ye. S. The Role of China in the transformation of the global political, financial and economic architecture (reform of the un and international financial institutions, the view from the USA). *Yezhegodnik Instituta Mezhdunarodnikh Issledovaniy Moskovskogo Gosudarstvennogo Instituta Mezhdunarodnikh Otnosheniy (Universiteta) Ministerstva Innostrannikh Del Rossiyskoi Federatsii = Yearbook of the Institute of International Studies of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 2012;1:68–78. (In Russ.).
8. Grafov D.B. The economic model of guanxi in China: a comparative analysis. *Problemy Dal'nego Vostoka = The Issues of the Far East*. 2018;5:104–117. (In Russ.).

9. Portyakov V. Ya. Modern adjustment of the model of economic growth in China: Theory and Practice. *Obschestvo i Gosudarstvo v Kitaye = Society and State in China*. 2015;45(2):596–608. (In Russ.).
10. Goncharuk I. V., Gubarev N. O. The role of foreign trade in the genesis of the economic model of the people's republic of China. *Transgranichnaya ekonomika = Cross-border Economy*. 2019;3(3):6. (In Russ.).
11. Avdokushin Ye. F. On the essence and features of the chinese economic model. *Voprosy Novoi Ekonomiki = The Issues of the New Economy*. 2013;1(25):23–28. (In Russ.).
12. Portyakov V. Ya. Transformation of the economic growth model in the people's republic of China: modern trends and prospects. *Problemy Dal'nego Vostoka = The Issues of the Far East*. 2014;4:55–68. (In Russ.).
13. Nochvina B. A., Lisina T. R. Features of the development of the chinese economic model at present: prospects of china's leadership in the era of globalization. *Ekonomicheskiye Issledovaniya i Razrabotki = Scientific Research and Development*. 2020;9:26–34. (In Russ.).
14. Tomberg I. R. China as a structural element of the global economy. *Rossiyskiy Vneshneekonomicheskiy Vestnik = Russian Foreign Economic Chronicle*. 2011;11:52–61. (In Russ.).
15. Leshchenko Yu. G., Ermolovskaya O. Yu., Nikulin S. V. Institutional model of financial market regulation in China. *Ekonomika, Predprinimatel'stvo i Pravo = Economy, Entrepreneurship and Law*. 2020;10(1):139–154. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Вячеславович Жариков — доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
michaelzharikoff@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Zharikov — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Prof. of Department of World Finance, Financial University, Moscow, Russia.
michaelzharikoff@gmail.com

Статья поступила 01.07.2021; принята к публикации 02.09.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 01.07.2021; accepted for publication 02.09.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.